

—Я очень хорошо помню 22 июня 1941 года—первый день войны, потому что уже в ночь из нашего села Пичкасы забрали на фронт 36 мужчин. Мы по молодости своих лет воспринимали происходящее не так остро, как старшие, но все равно было страшно...

Действительно, в восемнадцать лет все еще видится в розовом свете. И уж тем более Мария Ивановна Городничева не могла и подумать в то время, что придет и ее день, когда она тоже отправится на войну. Училась она в педучилище, хотя честно признается, что никакого призвания к учительскому делу не имела. Просто подруги ее после восьмого класса пошли в педучилище, и она за ними. К тому же за учебу в девятом классе нужно было отдать пять кубометров дров. Для Марии Ивановны и бабушки, у которой она жила, это была непосильная ноша.

Осенью сорок первого года за Красной Слободой в поле стали строить аэродром. Посылали туда на работу и студентов педучилища. Немало земли пришлось им потаскать, чтобы выровнять площадь. Только, как потом оказалось, снимать дерн не нужно было, потому что там, где его сняли, после дождей становилось вязко. Понятно, что такой аэродром не мог принимать самолеты. Правда, один самолет, на котором прилетала комиссия, забраковавшая всю работу, все-таки садился на площадку.

23 апреля 1942 года всех девочек третьего курса послали на медкомиссию. Здесь были уже знакомые

К 55-летию Победы

всем Назарий Федорович Самастюк, Лидия Августиновна Алоэ, кто-то еще из медиков, а также военный, звания которого Мария Ивановна не помнит. Оказалось, что комиссия определяла тех, кто годен по состоянию здоровья для воинской службы. У Марии Ивановны проблем со здоровьем не было, и уже

сорок третьего-начале сорок четвертого, когда налетов не стало, могли девочки позволить себе поспать, сняв сапоги, гимнастерки. Мария Ивановна до сих пор вспоминает, что спать хотелось всегда. Она однажды чуть не замерзла в окопе, потому что уснула. Притащили ее тогда в землянку, чуть отогрели.

Тяжелой была

через несколько дней в составе группы из 18 человек она отправилась в Москву, откуда девочкам распределили по частям. Жизнь изменилась круто. Пришлось отрезать косы, которыми всегда гордилась, а привычную одежду сменить на военную. Поначалу не очень удобно чувствовала себя в гимнастерке и пилотке, тяжелыми были шинель, сапоги. Но постепенно все образовалось.

Была в зенитной артиллерии такая должность—приборист, который с помощью приборов управлял зенитным орудием. На нее-то и направили Марию Ивановну. Прибористками в основном были девушки, а на орудиях—мужчины. Специально этому делу не училась, все постигалось в процессе службы. Батарея стояла под Подольском и в ее задачу входило охранять небо Москвы. Режим был очень жесткий. В случае налета по тревоге поднимали всех. Спали не раздеваясь почти два года, и только в конце

Вообще солдатская служба шла по полной программе. Кроме дежурств на приборах и у орудий, проводились занятия по общей подготовке, марш-броски, учились ползать по-пластунски и т.д. Но все это было ничто по сравнению с трудным бытом.

—Жили-то мы в землянках,—вспоминает Мария Ивановна,—летом воду нам возили в бочке на быке, зимой таяли снег. Постирать лишний раз было проблемой, не говоря уж о том, чтобы помыться. Правда, баню нам устраивали: раз в месяц привозили горячую воду, натягивали брезент на каркас, и вот там, стоя прямо на снегу, мы мылись. До сих пор удивляюсь, что никто после этого не болел...

Зимой в землянке круглые сутки топились печка-буржуйка. Забегут девочки на минутку погреться, и опять к своим приборам. На ногах сапоги, валенки то не было. Марии Ивановне прислали из дома шерстяные вязаные чулки. Она их распустила, носок навязала. Так и перебивалась. До сих пор с благодарностью вспоминает санинструктора, женщину гораздо старше их, старшину, которые жалели девочек, старались обеспечить их всем необходимым. Они же, в свою очередь, с честью исполняли свой воинский долг. Не случайно, наверное, что Мария Ивановна была на-

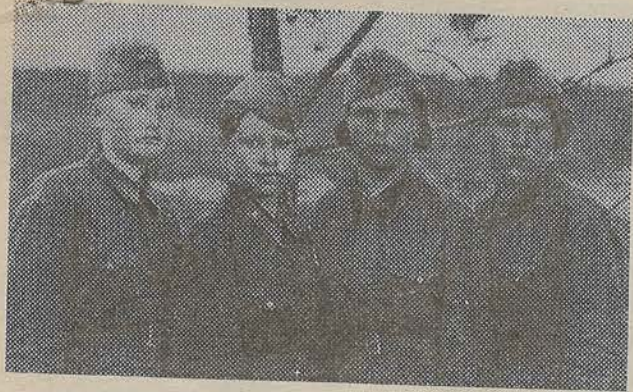
граждена значком "Отличный артиллерист".

Их батарею так и не переводили никуда. В мае сорок пятого пришло известие, что всех, кто служил здесь, демобилизуют. Радости не было предела. 9 мая Мария Ивановна была уже в Казани. Домой же попала только 15 мая с первым парходом. Она вернулась живой и здоровой, а вот старший брат Иван в сорок четвертом году при-

шел с фронта весь израненный, в сорок пятом году умер. Отец Марии Ивановны на фронте не был, потому что, как механизатор, попал в число тех, кто был на "бронии". Хотя здесь, в тылу ему тоже немало досталось. Работал бригадиром тракторного отряда. В подчинении были почти одни девочки. Они и пахали, и сеяли, и убирали хлеб. Работали день и ночь, не жаловались, потому что понимали, что трудом своим помогали тем, кто на фронте.

—Мой отец был первым трактористом в селе,—рассказывает Мария Ивановна.—Их всего двоих из села посылали учиться на трактористов в Куйбышев на курсы при МТС. Они перепаживали крестьянские наделы, объединенные в колхозные поля. Непросто это было, однажды ночью их чуть не убили...

Жизнь после войны легкой тоже не была, но, несмотря ни на что, Мария Ивановна радовалась, что наконец-то дома. Встретилась со своим будущим мужем. Илья Андреевич прошел войну от начала до конца, воевал на передовой, дошел до Берлина. По профессии он был зоотехником, и его направили в Куйбышев в районный зоотехнический отдел поднимать животноводство. Особенно много сил положили тогда специалисты на борьбу с чесоткой у лошадей. Животные были голые, истощенные, и не

ШИНЕЛЬЩИ

удивительно, что к ним пристала эта болезнь. Не было хозяйства, где бы не побывал Илья Андреевич. Добирались до сел на лошадах, пешком, работали дни и ночи.

После войны Марии Ивановне учиться уже не пришлось, да и не стремилась она к этому. Пока дети были маленькие, сидела дома. Потом началось переселение города. При горсовете создали базу по переселению, и Марию Ивановну взяли туда на работу заведующей складом, потом она заведовала ею. После переселения базу ликвидировали. Затем она семь лет возглавляла артель "Общий труд", работала бухгалтером в электросетях, экономистом-нормировщиком в ПМК треста "Татмелио-водстрой", оттуда и на пенсию ушла. Только жить по-стариковски тихо и спокойно у нее не получается.

— Похоронив мужа, я ни одного дня не оставалась одна, — заметила Мария Ивановна, — меня не оставили дети, а сейчас со мной внуки...

Старший сын Юрий живет в Казани, дочь Людмила в Свяжске. У Юрия дочь закончила энергетический институт, сын учится в пединституте. Дети Людмилы все живут в Болгаре. Марина работает парикмахером, Алеша — сотрудник райвоенкомата, младшая Катя учится в десятом классе и в юридическом колледже. Теперь уже

и правнуки подрастают. Наверное, не случайно, что все тянутся в родительский дом. Просто им всегда здесь хорошо, здесь они всегда нужны, их здесь принимают и любят. Особенно многолюдно в доме Гордничевых летом, когда съезжаются почти все. Заметила Мария Ивановна, что нелегко, наверное, приходится порой.

— Иногда, конечно, хлопотно бывает, — ответила она, — но внуки уже взрослые стали, сами и готовят, и убираются, и стирают. Так что все нормально, по-другому я уж и не хочу. Самое главное, чтобы все здоровы и живы были...

Мария Ивановна с болью воспринимает войну в Чечне, переживает за все, что там происходит. Кому, как не ей, соприкоснувшейся с войной более полувека назад, знать, что это такое. Правда, ей не пришлось воевать непосредственно на передовой, но сколько ее сверстниц погибло, положив свои юные жизни на алтарь Победы. Хоть и говорят, что война — не женское дело, но без женщин ни одна война не обходится. И приходится только удивляться их стойкости и мужеству, благодарить за то, что с честью исполнили свой воинский долг.

Н. Тимофеева.

На снимках: с боевыми подругами (вторая справа); Мария Ивановна в 1945 году; с сыном и дочерью.